

Машка очень любила Петровича. И он тоже отвечал ей искренней взаимностью. Да оно и понятно — Машка была красотка: глазки голубенькие, бровки черненькие, шубка беленькая. Но настоящего «слияния двух лун», к сожалению, между ними даже теоретически произойти не могло, потому как Петрович был сильно пьющий сорокалетний мастер-краснодеревщик, а Машка — сучка-трехлетка, породы лайка. Все, что было в ее жизни до Петровича, Машка помнила смутно. Какой-то теплый и пушистый бок, вечная возня и толкотня возле него. Те другие, которые были рядом, — все злые и сильные, кусали за лапы и не давали приложиться к живительному кранику. Сами сосали вкусное и жирненькое молозиво, а Машка все время была голодной. Впрочем, тогда она еще и Машкой-то не была — так, непонятный писклявый и безымянный комок шерсти. Все началось в тот день, когда их всех положили в плетеную корзину и куда-то долго везли. Потом периодически в корзину опускались большие руки, хватали кого-то за загривок, и этот несчастный исчезал навсегда. Машка дрожала всем телом, вот сейчас дойдет очередь до нее, и всё!

А когда она осталась совсем одна и сил терпеливо ждать своей горькой участи больше не было, она отчаянно заскулила и описалась.

— Чего это там у тебя, Колян? — послышался хриплый голос.

— Дык это... Щенков сегодня на рынке продавал. Последний остался, — ответил сиплый.

— А ну, покажь!

Крупные руки стали шарить по стенкам корзины, Машка в ужасе заметалась, забилась в угол и что было сил цапнула изверга за палец.

— Вот сука! Куснула, да еще и обоссалась!

Машка зажмурилась и приготовилась к кончине. Но в чувствительный собачий нос настоящей ураганной силой ударил такой разнообразный букет запахов: сивушного перегара, несвежей еды, давно не мытого тела, древесного лака, краски и всего того, чего она еще никогда в жизни не знала и не видела, что от удивления она открыла глаза и звонко чихнула. «Хриплый» громко рассмеялся:

— У, какая курносая!

— Да, нестандарт, — с досадой отозвался

Ольга ТОРОЩИНА

г. Москва

«Сиплый». — Все остальные кобельки в помете хорошие вышли, грудастые, мордастые, а эта недоразумение одно. Девка, одним словом!

«Хриплый» взял мокрую и дрожашую Машку на руки и прижал к груди. Ладони у него были шершавые, пальцы все в порезах, а на одной руке мизинца не хватало.

— Слышь, Петрович, возьми собачку! Все равно для охоты она непригодная, не продать мне ее, и держать смысла нет, — заговорил «Сиплый». — Только что на помойку снести...

Машка подняла морду и взглянула в лицо тому, кого называли Петровичем. Мужик как мужик, — нос толстый, усы черные и лохматые, под глазами — мешки, на щеке — волосатая бородавка. Но Машка его уже любила, он ей казался красивым, большим и очень сильным — тем, кто спасет ее от голода, холода и страшной неизвестности в брюхе темной корзины. Машка подтянулась, докуда смогла, и лизнула Петровича в подбородок.

— Гляди-ка, не дура! — заржал Колян. — Ну чё, возьмешь сучку?

— А чё, и возьму! Все равно бабы меня не любят, так хоть собака будет, — ответил Петрович.

— Ну дык за это еще выпить надо. Тебе и проставляться, папаша! — веселился Колян.

Нажрались мужики на славу. Сначала долго спорили, как Петровичу собачонку назвать. Колян предлагал дать ей имя, как и полагается охотничьей собаке, Тайга или, например, Ласка. Но Петровичу хотелось чего-то нежного и человеческого.

— Пускай Марусей будет, нет, Марией или Машенькой. Мне девчонка одна в школе очень нравилась, вот ее так и звали, — настаивал новый хозяин.

— Машенька... — передразнил его Колян. — Ты погляди, она, зараза, уже твой ботинок грызет. Одно слово — Машка!

Но скоро про Машку они забыли. Принялись пить за любовь, за дружбу, за мир во всем мире. Потом по какому-то вопросу не сошлись во мнениях, поссорились, маленько подрались. Помирились и опять выпили. Опосля Колян заснул на матрасике, брошенном в углу, который Петрович для Машки приготовил. А сама Машка заснула на подушке Петровича, которая, видать, хозяину была не нужна, во сне он с дивана навернулся и до самого утра на полу

сладко похрапывал. Днем Машка хорошенько огляделась, и хозяйство Петровича ей очень понравилось. Домишко хоть и маленький, но крепкий. Прихожая, при ней кухонька, а из нее выход прямо в комнату. Там Петрович ел, пил, спал и гостей своих принимал. Была еще пристройка на улице, где хозяин своим столярным ремеслом занимался, табуретки и столики соседям мастерил, если с перепою головой не маялся. Но самым главным достоинством её нового жилища был большой двор, это Машка сразу оценила. По нему можно было побегать, в снегу и земле порыться, нужду справить и прохожих из-за забора обляять. Петрович сначала стал для нее будку мастерить, но потом бросил. Сказал, что Машутку, кровиночку свою, на улицу нипочем не выгонит. Так и спала Машка с Петровичем на одном диване. А уж кормил-то он ее прямо как на убой, от всей души! Правда, однажды Машке чего-то от его угощения совсем плохо сделалось. Пузо раздуло, а уж крутило так, что хоть со двора не уходи. Так плохо было, думала, вот-вот лапы откинёт. Она тогда совсем еще малая была, поэтому хозяин ее в сумку положил и в город к доктору повез.

— Ты, дед, чем собаку кормишь? — строго спросил молодой очкастый доктор.

— Так это... Что сам ем, то и ей даю, — замылся Петрович. — Ну, сосиски, рыбку копченую, консервы разные...

— А пива или водки не наливаешь?

— Да вы чё, доктор! Маша непьющая, — не на шутку обиделся Петрович.

— Собака хорошая, породистая, а у тебя она от гастроэнтерита за неделю подохнет.

Петрович опустил на стул, крупные слезинки скатились по щекам и оставили две светлые бороздки. Машка подняла голову, глянула на хозяина и слабо тявкнула: «Мол, чего там, в порядке я!»

— Как же это?.. Как?.. Помрет?.. Что делать-то, доктор? — шмыгал носом Петрович.

Молодой ветеринар, видать, сжалился над непутевым мужичонкой, доходчиво объяснил, как Машку лечить и чем кормить. Слова, правда, все мудреные говорил: режим питания, сбалансированный рацион, плановая вакцинация и прочее. А Петрович так напугался, что аж неделю не пил, за Машкой ухаживал. Выходил, на лапы поставил!

Но потом все на круги своя вернулось.

Народ у него собирался разный, заходили постоянные собутыльники, но бывала и публичка залетная. Застолье ближе к вечеру начиналось и, как правило, на следующий день утром заканчивалось. А Машка тем временем подросла, окрепла, упитанная и пушистая сделалась, ушки торчком встали, хвостик колечком завернулся. Характер она имела спокойный, покладистый, да и с чего бы ей было на жизнь обижаться и злوبيться? Хозяин ее любил, ни в чем не отказывал, сам недоест, ей косточку с мясом отдаст. Все гладил да за ухом чесал и пальцем никому тронуть не позволял. Как-то раз гость один настойчиво Машке в нос кусок селедки пихал, угостить хотел, но она брать не стала, не приучена была. Мужик этот оскорбился и предельно ногой ей в бок двинул. Машка взвыла не от боли даже — от обиды.

— Вот сука избалованная, жрать не хочет, — в сердцах сплюнул на пол гость.

Петрович как-то разом протрезвел, быстро сбежал в сарай, вернулся с топором и еще долго с криками гостей своих по поселку гонял.

Короче, хорошо они жили, душа в душу! Только вот чего-то Петрович совсем слабеть стал. Бывало, и до дивана дойти не может, где сон его прихватит, там и свалится. Машка тогда рядом ложилась, укладывала ему голову на грудь и всю ночь своим теплом согревала, чтоб в нетопленном доме от холода насмерть хозяин не околел.

Но тут появилась Лёля.

Под вечер Петрович заявился домой не один, а с дамой.

— Проходи, проходи, Лёлик, не стесняйся. Ща я собачку покормлю и нам чего-нибудь закусить соберу, — ворковал хозяин.

Тетка неопределенного возраста (возможно, ей было лет тридцать или пятьдесят — под толстым слоем синих теней и розовых румян этого было не разобрать) остановилась на пороге и уставилась на Машку.

— Ух ты, какая красotka! Я таких только в кино американском видала! Там таких собак в сани запрягают и гонки устраивают.

Петрович гремел чем-то на кухне:

— Чего говоришь, не слышу? Это Машенька, доча моя...

Лёля сделала осторожный шаг в сторону Машки, присела на корточки:

— А не укусит? Погладить можно?

— Гладь. Она добрая, незлобивая. Прямо как я... Мысль усекаешь?

Лёля протянула руку и осторожно погладила Машку между ушей. Машке такое панибратство особо не нравилось, опосля таких ласк полдня во дворе надо в сугробах валяться и шкуру чистить. Но из уважения к хозяину стерпела, только покосилась посмотреть, чистые ли у гостыи руки. Так себе руки оказались, да еще ногти бордовым лаком измазаны. Просто жуть! А Петрович уже миску с едой ей к порогу поставил, а сам ринулся тарелки, притом самые приличные, на стол выставлять. Лёля из своей авоськи бутылку водки достала и к столу церемонно присела.

— Ну, давай за знакомство! Чтоб не заржаве-ло,— произнес тост Петрович.

— Давай, — ответила Лёля и смачно, одним вздохом опрокинула в себя рюмку.

— Ты где живешь-то?

— На Ярославском, но бывает и на Казанском ночую. Там у меня связи, — гордо заявила женщина.

— А у меня, видишь вот, хозяйство, — хвастливо квакнул Петрович.— Повторим?

— Давай,— согласилась покладистая Лёля.

Машка наблюдала за всем этим со своим обычным философским спокойствием, люди сюда приходили, выпивали, закусывали и уходили. Ничего особенного не происходило. Странности начались чуть позже. Машка сбежала во двор «до ветру», а когда вернулась, как обычно, со всего размаху прыгнула к Петровичу на диван, чтоб вместе ко сну отойти. Но вместо привычной радости хозяина и ласковых поглаживаний раздался оглушительный женский визг.

— Что это?! Ой, она меня сейчас покусает, я боюсь! Ой, убери ее!!!

Петрович вскочил, чувствительно огрел Машку по загривку попавшимся ему под руку сапогом и закричал:

— Машка, кыш на улицу!

Машка присела на задние лапы и прижала уши, могла б говорить — от удивления бы дар речи потеряла. Это что же происходит?! Её законное место рядом с любимым Петровичем какая-то марамоёйка вокзальная заняла? А её, Машку, гонят и видеть не хотят! От расстройства бедная Машка, поджав хвост, побрела во двор, как при-

казал хозяин. Ночь была ясной, сугробы — белыми, луна — полной. И такая вдруг тоска на Машку навалилась, такая собачья безысходная грусть, что она подняла морду и длинно утробно завyla. Соседские собаки, с которыми Машка обычно никаких сношений не имела и считала их существами низшего порядка, дружно ответили ей залившимся ехидным лаем: «Получила, сучка, ты кем себя вообразила? Человеком? Знай свое место собачье!» Гремя сапогами, во двор вывалился Петрович, запалил сигаретку и виновато глянул на Машку:

— Машенька, доча... Что ж ты мне душу на изнанку выворачиваешь...

Машка, едва-едва помахивая хвостом, подошла к нему, легла на землю и положила морду на сапог: «Хозяин, что хочешь делай, только не гони!»

Петрович долго ей что-то говорил, уговаривал, трепал и чесал за ухом, но потом все равно в дом ушел.

А Лёля у них так и обосновалась.

Машка сначала страдала, все думала, как бы отомстить сопернице. Можно было, например, в талом снегу поваляться, а потом на диван в разобранную постель запрыгнуть. Петровичу все равно, а Лёлька визжать будет, что только вчера белье стирала. Или, как она по-малолетству делала, в боты разлучнице написать, косметичку утащить и во дворе закопать. Но потом от этих коварных планов Машка отказалась: не тот характер у нее был, не подлый, и любви в собачьем сердце гораздо больше, чем ненависти. Да, в общем-то, и пользы от Лёли было больше, чем вреда. Супы она отличные варила. Бывало, поставит благоухающую миску на пол и зовет: «Иди, Машутка, покушай...»

Машка сперва думала: «Отравить хочет! Не буду есть!» А потом решила: будь что будет — попробовала, очень даже вкусно оказалось. Компашки пьяные, правда, по-прежнему захаживали. Лёля и сама бухнуть была не дура, но, как только полночь пробьет, она отчаянно голосить начинала:

— А ну пошли все вон, выпивохи! Мы спать ложиться будем! А то собаку на вас спущу!

Машка сначала даже не поняла, что это за шутки такие, на кого ее спускать будут?

— Она у нас помесь овчарки с волком, как у Джека Лондона, зараз всех вас в клочья пор-

вет. Машутка, покажи зубки! — верещала грамотная Лёля.

Ну, раз просили, Машка послушно морщила нос, скалилась и показывала свои мощные желтые клыки. Повторять, как правило, не приходилось. Гости вприпрыжку к дверям бежали. Петрович от относительно размеренной семейной жизни даже работать опять начал, деньги появляться стали. Лёля прикупила тоненький ошейник, а к нему цепочку серебристую и, нарядив во все это Машку, горделиво по поселку прогуливалась. А у самой — куртка розовая, шапка зеленая, шарфик в крапинку — эдакая нарядная дама с собачкой. В магазине под завязку затарится, пакеты полиэтиленовые с выпивкой и закуской на тротуар поставит, а сама в кусты по малой нужде нырнет:

— Машутка, сидеть — стеречь!

Машка сидит и стережет. Она умная, ей не трудно. Вот так славно они и жили!

Как-то Петрович и Лёля в Москву поехали, чего-то им там прикупить понадобилось. Долго их не было, Машка во дворе сидела и прислушивалась, как электрички одна за другой приходили и уходили, а хозяева все не появлялись. Наконец нарисовались, дело уж за полночь было. Петрович совсем на рогах, еле ногами передвигает, Лёля тоже сильно «веселенькая», а с ними еще два каких-то ухаря незнакомых. Парни эти Машке почему-то сразу не понравились. Пахло от них странно. Обычно приятели Петровича брагой да спиртом благоухали, а у этих запах какой-то удушливо-спертый, будто не один год в закрытом помещении просидели и на улицу не выходили. Бритые оба, глазки из стороны в сторону бегают, словно ищут чего-то. Но Лёля их, видно, раньше знавала, потому как по именам называла и за стол гостеприимно усаживала.

— Ты, Славик, когда откинулся? Давно?

— Да с неделю будет, — пробасил тот, что постарше.

— Лёлик, ты замуж, что ли, за этого ханурика вышла? — захихикал молодой. — А меня, шалава, совсем забыла!

Петрович как раз в это время утробно рыгнул, скатился с дивана, встал на четвереньки и пополз к выходу — видимо, решил проветриться. Машка для порядка поплелась за ним.

— Хорош, — опять оскалился молодой. — А

деньги-то у него есть, а то мы со Славкой совсем на мели.

— А чё сразу деньги? — окрысилась Лёлик. — Я вас как людей в дом позвала, посидеть, выпить, молодость вспомнить!

— Да ладно, не гоношись, — одернул её Славик. — Не в деньгах счастье, у бабы всегда найдется, чем мужика порадовать...

На улице Петровичу стало лучше. Он ласково взял Машку за уши, притянул к себе и смачно чмокнул в черный нос:

— Пошли, Машенька, пожуюем чего-нибудь. Чего-то развезло меня...

Но, когда они вошли в дом, было уж не до закуски. Гости завалили Лёлю на диван, один держал за руки, а второй стягивал с нее юбку.

— Петрович, миленький, помоги! — истошно визжала Лёля.

Петрович нетвердой поступью, но бесстрашно шагнул вперед и тут же получил от молодого крепкий удар в челюсть. Отлетел к печке, шархнулся головой об угол и затих.

— Убил, убил ты его, сволочь, — хрипела прижатая к дивану Лёля. — Посажу вас обоих!

Молодой весь как-то сжался, задергался, руки у него затряслись, лицо перекосило.

— Славка, да отцепись ты от нее, я точно его грохнул! Тогда и эту кончать надо...

— Да погодь, дай оттянуться! Потом все решим.

Молодой вытащил из кармана нож и шагнул к Петровичу. И тут с Машкой случилось даже не чудо, а какое-то наваждение. На нее словно пелена опустилась: смиренная и послушная собака, привыкшая всю жизнь терпеть и повиноваться, вдруг разом куда-то испарилась. Возможно, стальной блик с острия ножа гипнотическим блеском разбудил в ней так глубоко запрятанный инстинкт зверя или запах крови из раны горячо любимого хозяина — не важно. Но в один момент все поколения ее предков, которые ходили на охоту, бежали в погоне по рыхлому снегу, бесстрашно кидались на медведя или вступали в схватку со стаей волков, вырвались на волю и свободно вошли в ее сознание. Машка хрипло зарычала, оскалила пасть и прыгнула. От неожиданного и мощного удара парень не удержался и упал, но успел махнуть ножом и полоснуть Машку по груди. Но это ему уже не помогло, собака вцепилась ему прямо в горло. Он катался по

полу, бил ногами, двумя руками вцепившись в мохнатую собачью шерсть, старался оттащить, оторвать свою беспощадную смерть.

— Славка, Славка, помоги! Убей эту тварь!!! — сипел он.

Второй, отпихнув в сторону Лёлю, резко вскочил с дивана. Одной рукой он пытался застегнуть штаны, а второй схватил бутылку и шархнул ею об угол стола. Осколки разлетелись в разные стороны, и смертоносная «розочка» оказалась зажатой в кулаке. Сколько времени для этого ему понадобилось: минута, две? А Машке — считанные секунды, не успел отморозок даже охнуть, а она уже висела у него на руке, сжимая мощные челюсти на его запястье...

Службы «02» и «03» приехали почти одновременно. Пострадавшим оказали помощь, задержанных препроводили в отделение.

— Пристрелить ее надо, она бешеная, бешеная! — голосил Славик, прижимая к груди забинтованную руку, когда его вели в машину. — Лепила сказал: Вован чудом жив остался!

— Самого тебя пристрелить надо, гад! — прокричала ему вслед Лёлик, размазывая по щекам остатки своей разноцветной красоты.

Петрович с перевязанной головой все так же сидел на полу, прислонившись спиной к печке. Машка пристроилась рядом и облизывала окровавленную шерстку на своей груди.

— Машутка, дорогая моя! Спасительница, — Лёля без сил рухнула на пол, осторожно обняла Машку за шею и снова заплакала. — Матрафик тебе новый купим и подушечку...

Петрович нерешительно прокашлялся и покосился на участкового уполномоченного, который сидел за столом и заканчивал писать какие-то свои отчетные бумажки.

— Лёлик, ты это, сходи в «ночник», водочки возьми... Машеньке, доче нашей, надо... ранку обработать. Доктор говорит: нож об кость плашмя ударился, но все равно для дезинфекции полагается. Да и мне здоровье поправить...

Участковый поднял голову, слегка брезгливо и вместе с тем жалостливо глянул на сидящее под печкой это помятое «святое семейство»:

— Что ж вы за люди такие! Из вас всех только собака на человека и похожа...

А Машка была счастлива — она любила и была любима. Что еще для счастья собаке надо?..

Остановка в Тушино

Поездка в выходные на дачу — дело прекрасное и замечательное! Если это лето, то можно расслабленно валяться под зонтиком во дворе на солнышке, пройти через тенистый лесок к речке, найти с десяток сыроежек и сварить из них незатейливый супец. И потом горделиво представить сей кулинарный изыск всей семье под названием «Грибная похлебка по-деревенски». Зимой еще лучше! Лыжи, санки, снежки, бои с детьми в сугробах! А вечером — ароматный шашлычок, пожаренный на морозце, и бокал красного вина перед камином или хотя бы печкой — главное, чтоб не дымило, было тепло и покойно. Но во всей этой сладостной бочке меда всегда есть место внушительной ложке дёгтя. И имя ей — возвращение в воскресенье вечером домой и бесконечные московские пробки.

— Все, я больше не могу! — иступленно выдохнул муж Игорь. — Я есть хочу, остановимся где-нибудь, перекусим.

Спорить с голодным мужчиной, а тем более если он по профессии актер, существо трепетное и с тонкой нервной организацией, бессмысленно. Машины стояли друг за другом сложенной и смиренной колонной уже сорок минут, урчали заглушенными моторами и признаков возможного движения не подавали. На заднем сиденье проснулась четырнадцатилетняя Варя, сладко и громко потянулась.

— Мам, а мы где? — выглянула в окно, на ближайшем доме увидела неоновую надпись «Северное Тушино» и сама ответила на свой вопрос: — А, так мы до Москвы еще не доехали...

Ася тяжело вздохнула. Муж и дочь, по рождению «правовверные москвичи», были глубоко уверены, что жизнь за пределами Садового кольца, как и на Марсе, не существует. Сама Ася, приехав в столицу совсем юной барышней, поступив и окончив институт, сделав вполне приличную карьеру, создав семью и обзаведясь жилплощадью, до сих пор москвичкой

себя не считала. Видимо, ментальность у нее была другая. В небольшом городе на берегу Волги, где она выросла, никто никуда не спешил. Жизнь текла плавно и размеренно, женщины ранним утром неспешно шли на базар прикупить свеженькой рыбки; мужчины после ночного лова отдыхали, покуривая папироски на пристани. Прогуливаясь по извилистым, узеньким улицам городка, было почти невозможно разглядеть стоящие в ряд деревянные домики. Каждый, как в море, утопал и скрывался в пышной зелени сада. Особенно красиво было в начале лета, когда начинали цвести яблони и вишни. Белые цветы и летящие лепестки превращали город в снежное марево, в морскую пену, в лебединую стаю, казалось, вот сейчас городок взмахнет своими белоснежными крылами и улетит. И в одном таком саду, под цветущей яблоней, все свои первые 17 лет жизни просидела Ася, взхлеб читала классиков, мечтала о блистательной, яркой, прекрасной жизни и больше всего на свете хотела стать писателем. Так хотелось с высоты своей колокольни, установленной на шарнирах юношеского идеализма и романтизма, поведать людям о том, что надо прощать слабых, помогать слабым, дружить всем миром и искренне любить друг друга. Эх, кабы оно так и было! Но все сложилось иначе. Ася трудилась штатным сценаристом на одном телевизионном канале. Работа, в принципе, неплохая, а если попадаешь в обойму, очень даже денежная. Самое главное, не быть чистоплюйкой и не страдать особыми принципами. Но всякий раз, будучи студенткой и приезжая домой на побывку, Ася с удивлением натыкалась на непонятное всеобщее осуждение и даже, можно сказать, открытое агрессивное порицание.

— Вы у себя там в Москве совсем зажрались! И не знаете, как народ живет, — такими словами вместо «здрасьте!» встретила ее соседка тетя Валя. — Думаете, вы центр вселенной?!

— Я слышал, москвичи хотят у нас в области рыбоконсервный комбинат купить, — жаловался мамин брат дядя Боря. — Вообще теперь без работы останемся, все Москва схапает...

И Асина мама, учительница русского языка и литературы, всякий раз, провожая дочку на учебу в столичный вуз, только что слезами не обливалась:

— Асенька, ты, главное, не становись такой, как все остальные, там у вас... Ну, ты понимаешь где... Будь честной, порядочной, достойной. Помни: ты — русская девушка!

Последний мамин постулат Ася вообще никогда не понимала. Получалось, она простая русская девушка приехала учиться в Москву, а Москва, оказывается, уже не Россия? За что в провинции так не любят москвичей? И почему столичные жители столь откровенно презирают своих провинциальных соотечественников? Разве мы не одна страна, не один народ, или вновь пришло время смуты и княжеских раздоров, когда Псков шел на Суздаль, а Ярославль — на Новгород. Ведь все так просто, и не единожды уже об этом писано, и сотни тысяч раз переписано, ясно — чтобы быть сильным, надо быть вместе.

— Ася, ты меня слышишь? — прервал ее глобальный мыслительный процесс муж Игорь. — Смотри: там, по правому борту, харчевня какая-то стоит. Может, свернем, пока не поздно?

— Интересно, а wi-fi там есть? — подала голос дочь Варя.

— Нет, сворачивать не будем. Скоро домой приедем, — решительно ответила Ася.

— Асеньш, у меня от голода прямо под ложечкой сосет, — принялся канючить муж.

— Мам, а мне в туалет надо, — выдвинула свой неоспоримый аргумент Варя.

— Ладно, сворачивай, — милостиво согласилась Ася.

Игра «в доброго и злого полицейского» в их семье была делом привычным. Злодеем, конечно же, как всегда, была Ася, Игорь — страдающее, гуманистическое начало, а Варя — продуманный и хитрющий представитель ООН.

Заведение называлось скромненько, но со вкусом, — «Шашлычный мир», и это вселяло надежду, что не обманут и сытно накормят. Таких кафе и ресторанчиков в последнее время в Москве развелось великое множество. Держали их, как правило, представители бывших южных республик канувшего в Лету незабвенного СССР. Обслуживали быстро, цены предлагали приемлемые, мясо подавали отменное, а посетителю, в свою очередь, полагалось демонстрировать вид миролюбивый и слегка отрешенный:

мол, зашел перекусить, проблем не ищу и претензий не имею.

Семейство разместилось за длинным столом. Ася огляделась. Заведение оказалось довольно большим — человек на сто, не меньше. Массивные столы и стулья, покрытые темным лаком, на стенах, как украшения, развешаны связки красного лука и сухие стручки перца, глиняные горшки на подоконниках и прочая не совсем понятная хозяйственная утварь. Вроде как и не в мегаполисе находимся, а в мирной горной деревушке. Но по центру — танцпол и небольшое возвышение для музыкантов, как дань цивилизации.

— Ну, чем тут угощают? — Игорь, вождяленно причмокивая, раскрыл меню. — Свининка, баранинка. О, даже из осетрины шашлычок имеется!

— Пап, а чизбургеры там есть? — поинтересовалась Варя.

На площадку вышли музыканты, дружно долбанули и рванули по клавишам и струнам, и благодатная тишина разом кончилась. Певец громко и надсадно запел: «За тебя калым отдам, душу дьяволу продам...» Из-за соседних столиков спешно стали выскакивать разновозрастные горячие джигиты, все пустились в пляс. Но мужчины в своем зажигательном танце были не одиноки, компанию им составляли пышнотелые блондинки. Ася еще подивилась, откуда в одном месте такая концентрация женщин 54 размера и выше. Особенно одна была хороша, художник Кустодиев, поклонник роскошных форм, глядя на такую модель, от зависти все бы кисточки свои переломал. Больше всего дама походила на белый пароход — сначала в зал плавно входила высокая корма, по меньшей мере, шестого размера, а уж потом, через некоторое время, и все остальное тело. А если прибавить к этому мини-юбку, которая больше напоминала кожаный пояс, и белокурый синтетический хвост на голове, который свободно болтался где-то в районе колен, то зрелище становилось поистине фантастическим. «Мадам Титаник» — назвала красотку Ася.

— Ася, я водочки выпью? — крикнул муж, стараясь перекрыть голосом музыкальную какофонию, и состроил жалостливое лицо, как Полиграф Полиграфович Шариков.

— Здравсьте! А кто машину потом поведет?

– Ты! У тебя права с собой, я знаю!

– У тебя съемки завтра, помнишь?

Чтобы не напрягать свои драгоценные голо-
совые связки, Игорь принялся махать руками и
исполнять пантомиму, смысл которой был пре-
дельно ясен: «Дорогая, я 50 или – максимум –
сто грамм. Устал очень! А съемка – это святое,
все помню!» Ася махнула рукой: «Можно!»

Она отлично знала: для мужа эти съемки жиз-
ненно важны и глупостей он точно не наделает.
Игорю долго с кино не везло: всем удался па-
рень – высокий, красивый, служил в известном
академическом театре, играл фрачных героев,
генералов и аристократов. Но для кинематогра-
фа сегодняшнего дня внешность нужно было
иметь брутальную, чтоб на эка, бандита или хо-
тя бы мента походил. А муж человек был мяг-
кий, покладистый и домашний, если не сказать
пугливый. Но наконец ему повезло, утвердили в
долгоиграющий сериал про спецназ на роль
лучшего друга главного героя. У основного ге-
роя, помимо бесконечных погонь, боев и засад,
были еще прописаны сложные семейные отно-
шения с женой и тещей, а Игорю достались
только автомат и граната. Ася даже злилась: что
же это ее коллеги-сценаристы поленились для
персонажа хотя бы любимую кошку придум-
ать?! Но Игорь не жаловался, стал ходить в
спортзал, научился чистить и разбирать АКМ,
со съемок возвращался с синяками и растяже-
ниями, зато очень довольный и счастливый.

Веселье в ресторане набирало обороты. Му-
зыканты играли разухабистую мелодию, и
танцующие почти хором подпевали: «Черные
глаза вспоминаю, умираю! Черные глаза, как
мне дальше жить, не знаю!» А «мадам Тита-
ник», кружась между мужчинами, длинно вы-
тягивала губы, плотоядно чмокала и громко
вскрикивала: «У, красавэц!», усиленно фикси-
руя ударение на звук «э».

Дочь Варя, вооружившись новеньким айфо-
ном, пыталась заснять всю эту вакханалию.

– Жесть! Девчонкам в школе этот прикол
покажу!

В глубине зала стояло несколько сдвинутых
столов – там гуляла большая компания. Види-
мо, справляли какой-то значимый праздник –
день рождения или юбилей, тосты следовали
один за другим. Посланцы от стола добрались

до музыкантов и долго что-то объясняли, тряся
зажатыми в руках купюрами. После чего подтя-
нулись остальные, встали в круг и положили
друг другу руки на плечи. Заиграла музыка, и
пляска началась.

– Молдавانه, – со знанием дела сказал
Игорь. – Это жок, мы в институте его тоже учили.

Не успела закончиться мелодия, как к ан-
самблю уже подкатили следующие ходоки. То,
что после этого с жарким кавказским огоньком
исполнили лезгинку, поняла даже Ася, не силь-
но продвинутая в искусстве танца. Представи-
тели следующей этнической группы подошли
уже со своей кассетой, там были бубны, бараба-
ны и завывали какие-то трубы. Постепенно
действие все больше и больше стало напоминать
выступление балета Игоря Моисеева с популяр-
ной программой «Танцы народов мира». Все
было очень здорово, хотя незримый дух сорев-
нования и соперничества определенно присут-
ствовал. Все хотели показать: мы сильные, мы
лучшие, любуйтесь, как мы здорово танцуем,
вот так же мы и живем, вот так мы и работаем.
Знайте: нашу нацию есть за что уважать, мы
здесь и с нами придется считаться! Язык танца
универсален, на нем можно сказать многое, да-
же то, что намеренно хочешь скрыть или просто
боишься выразить словами. Ресторанные музы-
канты, то один, то другой, почти незаметно сма-
хивали капельки пота с лиц, но не останавлива-
лись. Виртуозы и профессионалы, за живые
деньги они были готовы на все. Асино внимание
привлек соседний столик, там одиноко куковал
светловолосый парень, на столе перед ним сто-
яли пустой графинчик из-под водки и недопи-
тая кружка пива. Парень сидел, подперев кула-
ком щеку, и тоскливо глядел куда-то вдаль. Его
образ с легкостью можно было бы использовать
как иллюстрацию к опусу Герцена «Былое и ду-
мы», где автор глубоко скорбел о потере револю-
ционных идеалов в обществе и личных семей-
ных неурядицах. Музыканты стали отсоединять
провода от своих гитар, видимо, решив, что всех
денег не заработать и отдохнуть все же придется.
Светловолосый парень мотнул головой, как
конь, и, выйдя из своей глубокой задумчивости,
брякнул об стол кружкой, после чего резко
встал. Сильно покачиваясь, он направился к ор-
кестру и почти повис на барабаншике. Принялся
спешно выворачивать карманы и кидать на

столик железные монеты. Музыканты долго отрицательно трясли головами, но потом, видать, сжалились над просителем и вновь взялись за инструменты.

— Посвящается всем жителям северного Тушино! — объявил солист и запел.

*Эх, родное Тушино — и леса зеленые,
И каналы длинные,
На моря похожие...*

Парень вышел на середину пустой площадки, с вызовом топнул ногой и начал танцевать. Его сильно штормило и качало из стороны в сторону, он беспорядочно размахивал руками, мученически приседал и несуразно подпрыгивал. Потом, уперев руки в бока, попытался молодцевато пройти по кругу, запнулся и чуть не упал. Незатейливая музыка из разряда «ум-ца-ца» в три аккорда становилась все веселее и забористей.

*Тушино, Тушино, мой любимый край!
Мой родимый край!*

Приезжайте в Тушино — это просто рай!

А парень плясал. И столько в его танце было отчаяния и решимости отстоять свое родное и любимое Тушино, будто находился он не в развеселом кавказском ресторане, а в окопе на последнем рубеже под Москвой, где, как говорится, «велика Россия, а отступать некуда». Смотреть на него было почти страшно: лицо бледное, глаза стеклянные, волосы в разные стороны торчат, того и гляди рухнет, а все упирается, кому-то и что-то своими нелепыми кренделями доказать пытается. Этаким потерявшийся Иванушка-дурачок, жалко его и вместе с тем как-то даже стыдно. Зачем же так из-за какого-то Тушино убиваться и на посмешище себя выставлять? Хотя, если заменить название городского района, к примеру, на Волгоград, Саратов, Омск или любой другой город, смысл полностью менялся. Получалось, это та самая, дорогая каждому из нас, малая родина. А уж если вставить значимое имя «Россия», то и говорить нечего!

— Один в поле не воин, — как-то сумрачно проговорил муж Игорь, махнул оставшиеся в рюмке 50 грамм и стал медленно подниматься из-за стола. — Надо парню помочь...

— Куда? — повисла у него на руке Ася. — С ума сошел!

— Я должен. Пусти...

Асе вдруг показалось, что на голове у мужа появился железный шлем ратника из княжеской дружины, на плечах — зеленый маскхалат, а в руках — пулемет «Максим». Она никак не предполагала, что киношный образ защитника отечества так глубоко окопается в его актерском подсознании. Игорь выбрался на середину зала, откинул пару коленец, которые больше подошли бы для «Камаринского», и прошелся вприсядку. Чему-чему, а танцевать в театральном институте хорошо учили! Ася с удивлением заметила, что от бара отклеились два пузатых и усатых мужика, оставив кружки с пивом, они вразвалочку двинулись к танцующим. Учитывая внушительные габариты и склонность к гипертонии, плясать или делать резкие движения им бы любой доктор строго-настрого запретил, но, видимо, тушинских патриотов это не смущало. Как могли, они медленно покачивали упитанными боками в разные стороны, что смутно и очень отдаленно напоминало матросский танец «Яблочко». Откуда-то из невидимых недр ресторана вынырнула пожилая парочка интеллигентного вида в одинаковых круглых очках. Держась за руки, они чинно проследовали к танцевальной площадке и присоединились к остальным. Выглядели они в таком антураже более чем неорганично, а танцевали в последний раз явно на собственной свадьбе лет сорок назад под вальс «Амурские волны». Но марку тушинских держали и свою гражданскую сопричастность к происходящему желали продемонстрировать.

Очень кстати в ресторан шумно ввалилась компания местной молодежи, мальчишки и девчонки замерли у входа.

— Пацаны, это же наша песня! — взвизгнула одна барышня в яркой курточке.

— Пошли попрыгаем! — с готовностью отозвалась вторая.

Ватага, не раздеваясь и не раздумывая, кинулась на танцпол, радостно и задорно горланя хором: «Тушино, Тушино — мой любимый край! Мой родимый край! Приезжайте в Тушино — это просто рай!»

Апофеозом этого жизнеутверждающего веселья и его идеологической точкой стал громкий выкрик «мадам Титаник»:

— Эх, говори Москва, разговаривай Расея! «Барыню» давай! — совсем не толерантно

протрубила она зычным голосом и, раздвигая всех мощным бюстом, поспешила воссоединиться в танце с Игорем. А за ней с залихватским гиканьем поскакали и все остальные блондинистые бегемотики.

Дочь Варя ерзала на стуле, всем видом показывая, что тоже хотела бы присоединиться к исконной народности: громко визжать, остервенело бить каблуками об пол и махать шейным платочком. Поэтому Ася поспешила подзвать официанта и расплатиться.

После того как музыканты повторили зажигательный припев про райскую жизнь в Тушино раз 20, а потом еще пяток раз на бис, утомленные соотечественники, исчерпав свой танцевальный задор, стали расходиться. Морды у всех были красные, влажные, но очень довольные. Явственно так на них читалось: «Вот так-то! Извиняйте, уж как умеем, ну да ладно... А танцевать будем сколько захотим и насколько сил наших хватит. Потому как мы дома, мы — в Тушино!»

Взмыленный и раскрасневшийся Игорь вернулся к столу:

— Представляешь, мне вон та блондинка сказала, что сериал «Спецназ — навсегда» только ради меня смотрит! Автограф попросила!

«Мадам Титаник» со своего места помахала Игорю рукой, послала обжигающий взгляд и свой фирменный воздушный поцелуй.

Компания тушинской молодежи уже шумно делила с кем-то единственный свободный столик, судя по доносившимся обрывкам фраз, конфликт обещал быть грозным и кровопролитным. Ася оперативно подняла, построила семью и вывела из зоны возможных боевых действий.

Сидя в машине, дочь Варя довольно хихикала:

— Завтра все, что сейчас сняла, в youtube выложу. Вот ребята поржуют!

— Только попробуй, — отозвалась Ася. — Про карманные деньги надолго забудешь.

— Ну, мам... — заныла дочь.

Игорь несколько раз посмотрел на себя в зеркало дальнего вида и мечтательно улыбнулся:

— Уже и в Тушино узнают...

«Актер — это не профессия, это диагноз», — подумала Ася и повернула ключ зажигания.

ЧИЖИ-ДЫЖИ

Декабрь 1988 года в Свердловске выдался морозным. От института до конечной остановки «Ураллесмаш» было минут сорок. Трамвай шел медленно, а искусственные шубки совсем не грели. Девчонки сидели, плотно прижавшись друг к другу, — так было теплее.

— Ты, когда великой актрисой станешь, какую шубу себе купишь? — спросила Галка.

Леночка задумалась:

— А ты какую?

— Я — из хорька, это самый дорогой мех в мире!

— Тогда и я из хорька! — объявила Леночка.

Галка долго смеялась на весь трамвай, она была из Сибири, а Леночка — с Кавказа, где шубы не пользовали по причине их ненадобности.

Галка была хорошенькая и старше, Леночка красивая и помладше. Галку все знали как скандалистку и грубиянку, а Леночку считали за хорошую девочку. Обе были глубоко уверены в своем таланте и избранности.

Сегодня была пятница и стипендия. Как-то так получилось, что они остались одни, без приятелей и кавалеров. Кто разъехался по домам, а кто-то носился по Свердловску в поисках радости на свои законные 40 рублей. В этом году ввели талоны. На буйную студенческую головушку полагалось по списку:

200 г вареной колбасы,

200 г сливочного масла,

1 кг сахарного песка,

2 куска хозяйственного мыла,

бутылка водки и 10 пачек сигарет «Прима».

Но все эти бесценные сокровища необъяснимым образом проходили мимо и исчезали. Комendantша общежития всякий раз непонимающе разводила руками:

— Да кто-то из ваших приходил, на всех талоны-то и забрал!

Общежитие Лесмаша, где театральному институту полагался предпоследний четвертый этаж, встретило подозрительным за-

тишьем. Дискотека в холле еще не началась, в видеосалоне первый этаж командированных граждан, затаив дыхание, смотрел «Эммануэль-5».

— Месяц уже крутят. Что, вариантов больше нет? — вздохнула Леночка.

— Есть еще шесть и семь — к весне покажут, — успокоила ее Галка.

На втором этаже общежития жили парни со всех южных республик Советского Союза, приехавшие на Урал на заработки. На третьем — гнездились свободные радикалы, русские юноши и девушки с того же Лесмаша. Часто случались междоусобицы, их причины не имели никакой национальной или политической подоплеки, а базировались на исключительно старой как мир теме «cherchez la femme». Второй и третий этажи отчаянно бились на лестничных пролетах до первой крови. И «театралы», обычно возвращаясь поздним вечером с занятий, переживали этот «Нагорный Карабах» в видеосалоне. Посему перипетии нелегкой судьбы красавицы Эммануэль, ее пристрастия и физиологические особенности были всеми изучены досконально.

В комнате на столе гордо красовалась трехлитровая банка, а в ней парочка замученных зеленых помидоров. Леночка, не раздеваясь, грациозно подбежала к столу, запустила руку в банку и выловила одну из утопленниц. Была еще сухая горбушка хлеба, которая тоже оказалась у нее в руках.

— Все-то хоть не жри! — возмутилась Галка.

Леночка перестала жевать и обиженно захлопала ресницами:

— Ты же все равно это есть не станешь...

Обе были строения сублильного, но аппетиты имели разные.

— Может, пиратством займемся? — неуверенно предложила Леночка.

— У врага даже яд брать нельзя! — гордо заявила Галка.

Под «врагом» подразумевалась их третья соседка по комнате Аленка. На выходные она уезжала к родителям в область, а под кроватью хоронила мешок с картошкой, которую выдавала сокурсникам размеренно и только по личной симпатии.

Леночка была прожорлива и от этого страдала, голос у нее возбужденно дрожал:

— Да что она, каждую картофелину в лицо помнит? Мы же совсем немного возьмем!

Девчонки покидали шубы и принялись за дело. Галка приподняла кровать, а Леночка встала на четвереньки и потянула мешок на себя, но вдруг вскрикнула:

— Ох ты!

Галка опустила рядом с подругой. Вдоль стены, под батареей, закрытые от глаз мешком, стояли в ряд семь железных банок. Этикеток на них не было, но наметанный глаз вечно голодного студента безошибочно мог определить: это тушенка!

Девчонки долго лежали на полу и молча пялились на эти банки. Потом Галка решительно рывкнула: «Бери!»

В дверь заглянула старшекурсница Ирма — настоящая «рижанка-парижанка».

— Эй! Вы здесь есть? Утюг дайте, плиз!

Добыча была уже на столе. Леночка рылась в шкафу, искала консервный нож, но первым, как всегда, нашелся утюг.

— На, только не спали, а то Аленка удавится.

— А если спалишь — отдельная благодарность в виде «Оскара»! — хмуро добавила Галка.

— Злые вы... — начала было Ирма.

Леночка размахнулась и со всей силы ткнула ножом крышку. Взрыв был как в кино.

Куски мяса и жира разлетелись по всей комнате. Что-то покоилось на кроватях, что-то повисло на дверце шкафчика и прилипло к обоям, но самый большой кусок мяса красовался на утюге, которым прикрылась от взрыва Ирма.

— Ненормальные! Вы что, это есть собирались?! О ботулизме не слышали? — орала она. Девчонки непонимающе трясли головами.

— Так можно его промыть хорошенько и прожарить, — предложила Галка.

Леночка скалила зубки и хищно поглядывала на утюг с мясом.

— Ослепнете, оглохнете и издохнете! Продукты надо за окном держать! Андэстэнд? — никак не унималась Ирма.

Она ушла и вернулась с красивой банкой, на зеленой этикетке весело улыбалась пятнистая прибалтийская коровка.

Есть почему-то совершенно расхотелось, девчонки решили прибраться, но это им быстро надоело. Хозяйки они были знатные!

Леночка взяла гитару, запели. Не пошло... Галка легла на кровать и усталилась в потолок, пристально изучая его строение, размышляла вслух:

— Что мы имеем на сегодняшний день? Ничего! Завтра в институт поеду, краски привезу и стены разрисую. Справа — Чебурашка, слева — Гамлет, а в центре — Алёнка — ведьма на метле. Красиво будет, и пятен не видно!

Насупленная Леночка залезла на стол, открыла форточку и вытянула из-за окна черную холщовую сумку.

— На Новый год берегла, да ладно... Не погибать же теперь!

Она бережно открыла авоську и осторожно извлекла на свет бутылку «Советского шампанского». Сокровище, покрытое серебристым инеем, переливалось изумрудным светом, а золотистая фольга казалась воистину короной царя Соломона.

— Заметь: за окном держала! — горделиво вскинула голову Леночка и, слегка пристукнув, опустила бутылку на стол.

Вам приходилось видеть, как разбиваются мечты?

От легкого удара замороженная на тридцатипятиградусном холоде бутылка мгновенно развалилась на части. Венец творения рук человеческих превратился в куски льда на сиротской клетчатой клеенке. Галка и Леночка смиренно взяли по кусочку и стали лизать.

— А вкусно, как мороженое...

— Да, когда еще шампанского погрызем!

— Я песню об этом напишу! Вот, например... В шампанском — битое стекло, я знаю: это мне назло!

— Язык не поцарапай, а то потом запоешь: «Ах, Шацкий, я вам ошень жада!»

— А тебе для этого язык и царапать необязательно!

Сверху слышались звон битой посуды, стук падающей мебели и громкие крики.

— Не трогай меня, скотина!

— Гадина, говори, куда деньги заныкала!

На пятом этаже общежития проживали семейные. Девчонкам повезло. Тетя Нина и дядя Коля были довольно тихой парой, в отделении милиции сидели по очереди. Но, видимо, в этот раз их графики не совпали. За последнюю неделю Нина уже дважды прибегала к ним прятаться, а Коля — искать супругу.

Обычно закрытую перед ним дверь он открывал сорванным со стены огнетушителем.

На столе уже растекалось газированное море с корабликами из мелких осколков.

Итоговую черту над всеми заключениями неудавшейся жизни подводил большой плакат, висевший на стене, «Все — говно, и все — козлы!» — предмет ненависти всех их однокурсников мужского пола и наглая вызывающая декларация воинствующего феминизма. Девчонки написали его в момент душевной тоски и подготовки к экзамену по древнегреческому театру. Но сейчас это достаточно абстрактное заявление становилось устрашающей реальностью.

— Нет! Мы так жить не будем! — трагическим тоном Антигоны, безвременно ушедшей дочери царя Эдипа, воскликнула Галка. — Мы в ресторан пойдем!

— Ой, я боюсь, я там ни разу не была...

— А я была, раз... Не помню сколько! Там красиво, весело, еда вкусная! Деньги-то у нас есть!

Собрались быстро. Надели праздничные свитера. Накрасились поизысканней. В косметическом наборе «Елена» тени были двух цветов. Галка взяла синие, а Леночка — розовые. На улице остановили такси. Заплатили шикарно — рубль и даже не торговались.

Ресторан назывался «Южный» — красная неоновая надпись на черном небе. Девчонки боязливо вошли внутрь. Высокий седовласый мужчина ласково улыбнулся:

— Добрый вечер, дамы! Первый раз у нас? Проходите, гардероб здесь.

Взяли номерки и по мерцающим цветными огоньками ступенькам поднялись наверх. Зал был, как им показалось, огромный. И все было в полной готовности к их приходу. Белые скатерти сейчас захрустят, хрустальные бокалы зазвенят, а стоящие по стойке смирно алые салфетки отдадут честь. В центре стола, за который они сели, возвышался канделябр с горящими свечами. И фрукты в вазе были настоящие, но красивые, как из папье-маше в реквизите учебного театра.

Подошел темноволосый официант, положил на стол две кожаные папочки. Приветливо сказал с легким акцентом:

— Здравствуйтэ, прэкрэсные дэвушки!

Девчонки пытались как можно непринужденнее устроиться на бархатных диванах.

— Я же тебе говорила: тут здорово! — шептала Галка.

Леночка листала меню и мечтательно улыбалась:

— Сациви знаю, чахохбили знаю, а долма — знаешь как вкусно!

Галка тоже водила пальцем по меню:

— А «чижи-пыжи» — это что? Знаешь?

— Нет! Покажи!

Девчонки развеселились. Жизнь, кажется, налаживалась и не уставала преподносить сюрпризы. Они молоды, красивы, талантливы, на них все смотрят, они всем нравятся! А еще на свете есть неведомые и таинственные чижи-пыжи!

— А вдруг это организм какой инопланетный?

— Ага, ты его вилоккой, а он взвизгнет и убежит!

— Главное, чтоб не покусал!

— Возьмем?

— Возьмем! А шампанского еще погрызем? Вот 10 рублей!

— А! Гулять так гулять!

Галка взяла пустой бокал за тоненькую ножку, приподняла его и торжественно произнесла:

— Мы выпьем за волшебные чижи-пыжи! Они принесут нам счастье и удачу, они — с нами, они — везде, они — вокруг нас! Ура великим и могучим чижам-пыжам!

К их столику подошла женщина в строгом костюме, на груди у нее красовался бейджик «метрдетель». В руках она держала бутылку шампанского, водрузив ее на стол, важно и громко сказала:

— Это вам в подарок от соседнего столика.

Справа от них многочисленная мужская компания буйно веселилась и звенела рюмками.

Леночка ахнула и быстро зашептала:

— Чудеса, чудеса... Это все чижи-пыжи!

Но дама-метрдетель шутить и смеяться вместе с ними явно не собиралась. Она наклонилась и, поправляя салфетки, почти не разжимая губ, тихо проговорила.

— Девушки, вы сейчас уходите.

Девчонки поперхнулись и удивленно уставились на нее.

— А в чем дело?! Мы совершеннолетние, можем паспорта показать! — возмутилась Галка.

— А я уже яблоко откусила, — резонно заметила Леночка.

Женщина нагнулась к ним совсем близко, не зло, но почти по слогам повторила:

— Вы уходите. Быстро и тихо. И чтоб я вас здесь больше не видела, — а потом демонстративно громко добавила: — Уже выбрали, что заказывать будете?

Все это было странно и непонятно, но спорить почему-то не хотелось.

— Да-да, мы только сходим руки помоем, — заикаясь, пролепетала Леночка.

Они быстро спустились, взяли пальто и молча вышли. Отошли совсем недалеко, Галка остановилась и повернулась к неоновой вывеске.

— Знаешь, а эти чижи-пыжи...

Со ступеней ресторана быстро спускалась группа мужчин. Там же уже урчал мотор черной танкообразной машины. Фары ярко мигнули и осветили их целиком и сразу.

— Бежим!!! — взвизгнула Леночка.

Справа от дороги был парк, девчонки схватились за руки и бросились туда прямо по сугробам. Бежали изо всех сил, не разбирая дороги. Галка была ростом поменьше и провалилась в сугроб аж по пояс. Леночка схватила ее двумя руками за воротник и вытащила. Потом она сама запнулась за корягу и упала. А Галка этого даже не заметила, бежала вперед и тащила за руку лежащую на боку подругу. Уже никто за ними и не гнался, а они все бежали и бежали. Было просто весело вот так бежать и грозно покрикивать друг на друга.

— Ну, чего разлеглась, как тюлень пузатый! Вставай давай!

— На себя посмотри, медведиха косолапая!

— Что?! Да я бегу как лань!

Заблудившийся в ночи и в уральских сугробах трамвай номер пять ехал сонно и лениво. Девчонки бросились ему наперерез, кричали и махали руками. Из окна кабины высунулась замотанная в платки тетка, смачно чихнула и ворчливо проговорила:

— Я на «Ураллесмаш» через «Машдрев» и «Пилораму» без остановок!

— Нам туда, нам туда! — хором заголосили девчонки.

Уже в вагоне, отдышавшись от бега, Галка закончила начатую еще у ресторана фразу:

— Знаешь, а эти чижи-пыжи, наверное, действительно необычная штука. Жаль, что мы их так и не попробовали, возможно, теперь что-то не сбудется...

— Все у меня сбудется! — упрямо сжала губы Леночка.

Общежитие, нагулявшись за вечер, мирно отдыhalo. Стекла дверей на всех лестничных проемах были разбиты. Видимо, заходил моторист Игореша, это был его фирменный знак.

В комнате Леночка деловито нагребла из подкроватного мешка картошки и села чистить.

Галка полезла доставать из авоськи за окном предусмотрительно отправленную туда прибалтийскую коровку. Картошка поджарилась быстро, а вот с заледеневшим куском мяса пришлось повозиться. Галка и Леночка в четыре руки долго били по нему ножами. Пару раз хитрый зверь пытался бежать — соскальзывал со сковородки и прятался по углам общественной кухни. Его ловили, мыли горячей водой из-под крана и возвращали на стол. Уже светало, когда девчонки торжественно брякнули на стол дымящуюся сковороду. Решили, что перед едой надо слегка передохнуть.

Димон Лепихин постучал в комнату к однокурсницам, узнать, как насчет завтрашней репетиции: где и когда. Никто не ответил, он вошел.

Леночка сидела на кровати, привалившись к стене. Джинсы были расстегнуты, но сняты только до колен, наполовину. Галка лежала, свитер с головы она стянула, но руки так и не достала. Обе крепко спали. В комнате пахло едой.

«Понятно, наелись и спать завалились. Везет же некоторым!» — подумал Димон.

Он сел за стол и подвинул к себе еще теплую сковородку.

Леночке снился сон. Она шла по красной ковровой дорожке в роскошной шубе из хорька.

Вокруг — люди с охапками цветов, аплодисменты, восхищенные взгляды и крики «браво!».

А Галке снились чжи-пыжи. Они были прекрасны. И их было великое множество. Они прыгали, скакали, носились взад и вперед, оставляя за собой снопы красных искр. Их огненные хвосты переплетались замысловатым узором жизни. Одного она изловила и на его мерцающей поверхности разглядела весь мир. Там были дальние страны, незнакомцы, говорившие на непонятных языках, опасные приключения и отчаянные схватки. Удача и любовь плескались в хрустальных кубках, и были они так близко, так рядом — только руку протяни и выпей все до дна. Хоровод верных друзей и близких людей закручивал свои бесконечные кольца. И все они были веселы, здоровы, любили ее и помнили о ней! Свободолюбивый чиж-пыж вильнул хвостиком и вырвался у нее из рук на волю. Но напоследок в его пылающих глубинах Галка успела разглядеть и себя, счастливую и молодую, потому что состариться ей, видимо, не придется никогда.

Ольга Викторовна ТОРОЩИНА

окончила Государственный театральный институт

в Екатеринбурге.

Актриса, режиссер-документалист,

сценарист, прозаик.

По роману «Всё ради тебя — ВИКА!» снят одноименный сериал.

Финалист литературного конкурса «Белая скрижаль-2010».

В журнале «Север» публикуется впервые.

